
О ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ (на материале английских имен существительных)

И.Н. Ивашкевич

Кафедра английского языка гуманитарных специальностей
Белорусский государственный университет
ул. Академическая, 25, Минск, Республика Беларусь, 220025

Статья посвящена языковой репрезентации пространственных концептов, номинирующих определенные участки земной поверхности (названия болот) в современном английском языке. Автор рассматривает роль перцептивных признаков в семантической структуре этих концептов, конституирующих такую базовую онтологическую категорию, как пространство.

Ключевые слова: концепт, семантическая структура, категория, пространство, английский язык, когнитивная лингвистика.

Интерес лингвистов к теме пространства не случаен, поскольку с давних времен человек воспринимает и осознает себя в пространственно-временном континууме. Вопрос об источнике пространственного характера ощущений человека является по-прежнему одним из самых насущных вопросов современного научного знания. Это вполне закономерно, ведь, как отмечают многие исследователи, в координатах пространства и времени воспринимается все сущее, все доступное сознанию человека осмысливается в этих координатах, т.е. имеет некие пространственные и/или временные характеристики.

В многочисленных исследованиях отмечается главенствующая роль базовой гносеологической категории «Пространство». Фундаментальная роль категорий пространства и времени, — как пишет Т.В. Топорова, — отчетливо проявляется в структуре вселенной и в жизни человека. Как эмпирические данности пространство и время привлекали исключительное внимание человека уже на ранних стадиях развития. К проблемам пространства и времени постоянно приходилось обращаться в связи с чисто практическими целями, поскольку эти категории отмечали границы, в которых развертывалась вся человеческая жизнь [1. С. 15]. Пространство и время, по мнению М.Д. Ахундова, настолько фундаментальны, что на определенной ступени развития культуры, в древних мифологических, религиозных и философских системах, они рассматривались как **генетическое начало мира** [2. С. 15].

В современных когнитивных исследованиях подчеркивается пространственная структурированность архаичного познания, которая свидетельствует о принадлежности пространственных архетипов к базовому ментальному слою, непосредственно связанному с чувственным восприятием окружающего мира [3. С. 36].

Как справедливо отмечает Л.А. Манерко, знание о пространстве составляет основу перцептуального опыта индивида и включает сенсорные, биологические, моторные и другие структуры. Понимание этой категории невозможно без целого ряда факторов, существующих в реальном мире и времени [4. С. 211].

На определенном этапе развития науки (кантианство, нативизм и др.) существовало мнение, что понятия пространства и времени являются врожденными структурами восприятия действительности и мышления. Однако впоследствии удалось установить, что способность сетчатки у взрослого видеть пространственно не есть способность врожденная, а приобретенная опытом. Несколько позднее был сделан важнейший вывод о том, что основой для развития восприятия пространства является **движение объекта**. Было доказано, что восприятие пространства опирается на совместную работу целого комплекса анализаторных систем с их пространственными различительными функциями, каждая из которых вносит свой вклад в построение активной **перцептивной деятельности** (см. работы И.М. Сеченова, Б.Г. Ананьева, Н.А. Бернштейна, А.В. Запорожца, С.В. Рубинштейна и др.). В этой связи интерес представляют исследования, в которых выделены основные пути формирования восприятия пространственных отношений у ребенка. Первый шаг — это поэтапное повышение размерности визуально воспринимаемого пространства, когда из нерасчлененной аморфной непрерывности ребенок начинает выделять движущийся объект. Второй этап — это этап более емкого восприятия внешних объектов, но на одной плоскости, без перспективы — уровень двухмерного пространства. На третьем уровне (уровне сенсомоторной организации) создается трехмерное восприятие. При этом подчеркивается, что хотя ребенок и доходит до восприятия трехмерности окружающего мира, он, тем не менее, в попытках отобразить этот мир в рисунках не может передать глубины. Интересно, что подобной спецификой отличалась и живопись некоторых древних культур, например, древнеегипетская (см. работу [2. С. 27]). В этом исследовании, с нашей точки зрения, сделан важный вывод о том, что восприятие единого пространства есть сложная **интермодальная ассоциация**, носящая системный характер. Данный вывод находит свое подтверждение и в когнитивно-ориентированных работах последнего времени. Так, например, в исследовании И.Ю. Кузиной, посвященном геометрической концептуализации пространства и способам представления глубины в языковой измерительной системе (на примере английского прилагательного *deep*), отмечается, что признак ‘глубина’ (*deep*) представляет наиболее сложное для осмысления измерение, в первую очередь потому, что оно во многих случаях недоступно для непосредственного зрительного восприятия в отличие, скажем, от высоты или ширины. Не случайно дети усваивают прилагательные, характеризующие глубину, в последнюю очередь [5. С. 47].

Представляются особенно важными положения Е.С. Кубряковой о том, что формы осознания человеком окружающей его действительности начинаются, как у ребенка, с активного взаимодействия с окружающим миром. Восприятие того, ЧТО и ГДЕ начинается все же, по всей видимости, не столько с восприятия лиц (матери, отца) или предметов, окружающих ребенка, сколько с восприятия ДВИЖЕНИЯ или, точнее, +/- ИЗМЕНЕНИЯ... Многочисленные экспериментальные данные позволяют реконструировать процесс формирования первичных концептов человеческого сознания как процесс диалектической связи предмета с той деятельностью, в осуществлении которой он участвует или же в которую он во-

влечен. В качестве предметов ребенок рассматривает сенсомоторный пучок ощущений, характеризующийся конкретностью и физической определенностью, гештальтными свойствами, т.е. целостностью, перцептуальной наглядностью и выделимостью из среды, а главное, как это считал Ж. Пиаже, своей «консервативностью» — стабильностью во времени и пространстве, тождественностью самому себе в наблюдаемые интервалы времени [6. С. 89].

Способы **языкового представления** базовой онтологической категории пространства, посвященные разным аспектам изучения лексических и грамматических способов номинации пространства и пространственных отношений, исследованы на материале разных языков (Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, В.Н. Топоров, Т.В. Топорова, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский, В.Г. Гак, А.В. Бондарко, О.Н. Селиверстова, Т.Н. Маляр, Н.К. Рябцева, С.Ю. Семенова, А.В. Кравченко, И.М. Кобозева, Е.С. Яковлева, Р. Лангакер, Е.В. Рахилина, Л. Талми, Дж. Миллер, Н. Джонсон-Лэрд и др.). Как отмечает О.В. Мякшева, важными в лингвистическом осмыслении понятия «пространство» являются, в частности, идеи о членении мира на фигуру и фон (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова), о выделении из недискретного потока информации наиболее репрезентативных объектов, по отношению к которым осуществляется ориентация (И.М. Кобозева), о позиции Наблюдателя (Е.В. Падучева), об иерархии выделенности (Ч. Филлмор), о дейктической и недейктической стратегиях при восприятии пространственных отношений (М.В. Всеволодова, А.В. Кравченко, В.А. Плунгян, Н.А. Сребрянская), о сочетании в человеческом осмыслении пространства чувственных элементов его восприятия и геометрической концептуализации (Л. Talmy, Е.С. Кубрякова, В.М. Топорова) [7. С. 10].

Современные научные исследования, выполненные в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, ставят своей целью установление корреляций между языком, восприятием, мышлением и когнитивной деятельностью субъекта, постулируя исходность пространства и пространственных отношений в процессе познания действительности. Когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания многократно усилила интерес к пространству, его роли в процессе познания и специфике языкового и речевого воплощения. Основной упор в рамках данной научной парадигмы делается на анализ **знания**, заключенного в семантике языковых форм, в которых фиксируется перцептивный опыт человека. «По сути дела знания формируются как результат человеческого **опыта**, облеченные в языковые структуры, т.е. объективированные в языке. Величайшей заслугой когнитивной науки и когнитивной лингвистики мы полагаем не только признание прямой и ингерентной связи между языковыми формами и стоящими за ними структурами знания, но и признание последних как кладущихся в основу значения и содержания самих языковых форм» [8. С. 16].

Проведенный нами анализ многочисленных когнитивно-ориентированных работ, посвященных проблеме отражения пространства и пространственных отношений в разных языках, позволил выделить несколько перспективных направлений, по которым активно проводятся современные научные исследования: 1) диахроническое исследование семантики древнеанглийских терминов пространствен-

ной ориентации; 2) геометрическая и метрическая концептуализация пространства; диахроническое исследование семантики древнеанглийских терминов пространственной ориентации; 3) изучение пространства через лексическую экспликацию в художественных текстах; 4) исследование отдельных лексико-тематических полей, посвященных базовым пространственным концептам; 5) типологические исследования пространственных характеристик в разных языках; 6) грамматикализация пространственных отношений (описание пространственных предлогов) и пр.

Следует подчеркнуть, что изучение пространственной лексики и отдельных концептов, формирующих категорию пространства, началось с работ представителей Московской семантической школы, которые имеют фундаментальные исследования по методологии когнитивного анализа и описанию пространства как «глобальной, онтологической и всепроникающей категории». В нашем исследовании мы продолжаем изучение данной категории на материале имен существительных современного английского языка, обозначающих **природные пространства**. Данные концепты составляют одну из наиболее древних и устойчивых частей словаря, в котором отражен первичный пространственный опыт человека по освоению реального мира. На основании выделенных базовых слов-идентификаторов категория «„Природные пространства“» может быть представлена как сложно структурированное построение, внутри которого выделяются следующие основные субкатегории: «Земное пространство и его часть» и «Водные пространства и их части», которые включают в свой состав такие базовые пространственные концепты, как ‘земля’ (‘суша’) и ‘вода’ (см. более подробно [9. С. 43]). Субкатегория «Земное пространство и его часть» объединяет в своем составе концепты, основным типом отношений между которыми является гиперо-гипонимия, синонимия и градуальность. В данный семантический домен, элементы которого связаны общим интегральным компонентом ‘an area of land’ — участок земной поверхности, включены: 1) наименования ровных участков земной поверхности (названия равнин, долин, плато, болот); 2) названия возвышенностей (горы, высоты, холмы и др.); 3) наименования углублений в земной поверхности (ущелья, пустоты, рвы, овраги и т.д.) и др. Ср. **plain** ‘a large area of flat land’, **valley** ‘an area of low land between hills or mountains, often with a river’, **island** ‘a piece of land that is completely surrounded by water’ и др.

В настоящей статье (ввиду ее ограниченных рамок) акцент сделан на анализе семантической структуры имен, номинирующих низкие места и углубления на поверхности земли. Здесь особо выделяется разветвленный семантический участок земного пространства, связанный с обозначением низинного рельефа, т.е. наименованием болот и заболоченных мест (‘*bog*’, ‘*marsh*’, ‘*swamp*’, ‘*fen*’ etc.), что, естественно, связано с ландшафтной спецификой Великобритании (ср., например, знаменитые торфяные болота в графстве Девоншир на юго-востоке Англии, а также иные места, описанные в известной повести А. К.-Дойля «Собака Баскервилей»). Данный отрезок действительности представлен в английской языковой картине мира разветвленной синонимией:

bog ‘(an area of) wet soft ground, formed of decaying plants’, **quagmire** ‘an area of soft wet ground’, **morass** ‘a dangerous area of low soft wet land’, **swamp** ‘an area of ground

that is very wet or covered with water and in which plants, trees are growing’, **fen** ‘an area of low flat wet land, especially in the east of England’; the Fens — Болота (болотистая местность в Кембриджшире и Линкольншире), **marsh** ‘an area of low land that is always soft and wet because there is nowhere for the water to flow away to’ и др.

В семантике первичных имен, номинирующих болота и заболоченные места в современном английском языке, находит фиксацию целый реестр перцептивных атрибутов, которые позволяют объединить концепты этого синонимического ряда в единый домен. В первую очередь в значении этих концептов вербализуется перцептивный признак ‘low’/‘низкий’, который характеризует часть земной поверхности, находящуюся несколько ниже окружающей местности. Перцептивный признак ‘low’/‘низкий’ в семантике описываемых концептов представлен в корреляции с перцептивными признаками ‘wet’/‘влажный’ и ‘soft’/‘мягкий’, имплицитно следующий смысл: ‘низкий участок земной поверхности, характеризующийся избыточным увлажнением, часто со стоячей водой и зыбкой поверхностью (т.е. болото)’. Интерес в данном случае представляет концепт ‘moor’, который часто переводят как ‘болото’, в семантике имени которого, однако, отсутствует вышеобозначенный перцептивный реестр атрибутов (low+soft+wet), ср. **moor** ‘a tract of unenclosed ground, usually having peaty soil covered with heather, coarse grass, bracken, and moss’. Тем не менее, в значении этого концепта получает фиксацию *характер почвы* данного участка земной поверхности ‘peaty soil’ — торфяная почва — и особой растительности (мох, папоротник, вереск), которая характерна для заболоченных мест, что позволяет отнести эту единицу к описываемому семантическому домену. К периферии данного семантического участка, который характеризуется *детализацией значений*, относятся концепты, присущие определенному региону, а также диалектные слова, характеризующие болота и заболоченные места: **vlei** ‘(South African) an area of low marshy ground, esp one that feeds a stream’; **mere** ‘(dialect or archaic) a lake or marsh’; **muskeg** ‘chiefly Canadian undrained boggy land characterized by sphagnum moss vegetation; a bog or swamp of this nature’ и др. Характеристика поверхности как заболоченной представлена в семантике английских предметных имен посредством чувственно воспринимаемых признаков ‘low’, ‘wet’, ‘soft’, т.е. как на основании **зрительного восприятия** (низкий участок земной поверхности, покрытый водой, определенной растительностью и т.д.), так и **осязания** (зыбкая поверхность земли). Рассмотрим далее, как репрезентированы эти признаки в семантике рассматриваемых пространственных концептов во вторичной номинации. Концептуальный анализ наименований болот и заболоченных мест в современном английском языке показал, что перцептивные признаки в семантике первичных наименований ‘low’, ‘soft’, ‘wet’, а также признак ‘dangerous’/‘опасный’ являются ассоциативной основой для метафорического переноса в область абстрактных понятий с ярко выраженными *нейротативными смыслами*. Это не случайно, поскольку, как отмечают многие исследователи, с глубокой древности воображение человека поражали обширные заболоченные пространства с непролазными трясинами и топями, с бездонными черными окнами, постоянными туманами и т.д. Поэтому концепт

‘болото’ имплицитно несет негативный смысл не столько потому, что его поверхность непригодна для проживания, сколько потому, что для человека оно само по себе представляет опасность.

Выявлены типы наиболее регулярных метафорических переносов, характерных для описания болот и заболоченных мест в современном английском языке, которые можно представить как семантические модели. Так, наиболее продуктивными моделями семантического сдвига данной концептосферы являются следующие: «Природный объект (болото) → Психическое состояние», «Природный объект (болото) → Социальная сфера», «Природный объект (болото) → Абстрактное понятие». Например, перцептивные признаки, фиксируемые в семантике первичного имени лексемы **slough** ‘a very soft wet area of land’ (топкий, вязкий, затопливаемый участок земной поверхности, болото, трясина), стали основой метафорического переноса в абстрактную сферу ментальных и психических состояний. Ср. *slough* 2:

a condition of degradation, despair, or helplessness; a state of degradation or spiritual dejection (состояние отчаяния, печали, страха и безысходности; упадка сил, подавленного настроения, уныния).

Интерес представляет и появление конструкций типа ‘*slough of misery*’, ‘*slough of despair*’ (= a state of sadness with no hope), ‘*slough of despond*’ (как выражение крайне угнетенного состояния, уныния), ‘*the Slough of Despond*’ — Трясина Отчаяния (в романе Дж. Беньяна «Странствования паломника»). Схожую негативную импликацию получает во вторичной номинации и лексема ‘**bog**’ (болото, трясина) = нечто запутанное, неясное, темное; выражающее смертный ужас; источник страха:

He wandered out again, in a perfect *bog* of uncertainty. — Он снова вышел, уже окончательно не понимая, что к чему. ‘Men who make no conscience of a lie, do yet take some *bog* at an oath’. — Люди, которые даже не замечают, что лгут, до смерти боятся клясть.

Денотатами, метафорически характеризруемыми как *болото*, *трясина*, *топь*, становятся в современном английском языке и различные сферы общественной жизни (в частности экономической). Так, например, в семантике концепта **mire** (an area of deep mud = wet earth that is soft and sticky) вербализуются перцептивные признаки ‘soft’ — мягкий и ‘sticky’ — клейкий, липкий; вязкий, которые становятся основой метафорического переноса в сферу экономики: **mire** 2 «трясина», сложное положение, трудная ситуация:

They found themselves in a mire of debt. — Они обнаружили, что находятся в трясине долгов. The government was sinking deeper and deeper into the mire (= getting further into a difficult situation).

Интерес представляет и появление морфологического деривата *mired* ‘a difficult or unpleasant situation that you cannot escape from’: The country was mired in recession и др. Имеют негативную коннотацию и следующие устойчивые выражения ‘to bring in the mire’, ‘to drag through the mire’ — облить грязью, выста-

вить на позор. Например: *My name had been dragged through the mire (= my reputation was ruined)*. *Bad-tempered stars regularly drag the game into the mire* и т.д. Отрицательную коннотацию во вторичном значении имеет и концепт **quagmire 2** *a difficult or dangerous situation* (опасная ситуация, затруднительное положение). Основой ассоциативного метафорического переноса является перцептивный реестр атрибутов (*soft+wet*) в первичном значении концепта **quagmire** 'an area of **soft wet** ground'. В этой связи интерес представляет мнение В.Н. Телии о том, что «... „нерв“ метафоры — некое уподобление, имеющее в исходе сопоставление, которое соизмеряет не целостные объекты, а некоторые сходные их признаки, устанавливая подобие на основе совпадения по этим признакам и гипотезы о возможности совпадения по другим, попадающим в этом сопоставлении в фокус внимания» [10. С. 177]. В семантике концепта **morass** 'an area of **low** land that is always **soft** and **wet** because there is nowhere for the water to flow away to' помимо перцептивных признаков, характерных для описания болот и заболоченных мест, представлен также признак 'низкий', который еще больше усиливает отрицательную коннотацию имени во вторичной номинации: **morass 2** *a disordered or muddled situation or circumstance, esp one that impedes progress* (беспорядочная, запутанная ситуация, которая препятствует развитию/движению вперед).

Анализируемый семантический участок интересен тем, что в семантике единиц, конституирующих его, вербализуется совмещение базовых пространственных концептов 'суша' + 'вода' (например, *fen* 'an **area of low flat wet land, especially in the east of England**'), которые становятся источником многочисленных ассоциаций, образуя ярко выраженные отрицательные импликации. По словам О.П. Ермаковой, изучение пространственной метафоры показывает, насколько важное место в человеческом сознании занимает пространство: в пространственных терминах образно представляются все наиболее важные культурные концепты... Фактически — это отношения между пространственными объектами физического мира, но перенесенные в другие миры» [11. С. 296]. С точки зрения когнитивного подхода к исследованию языковых фактов метафоре отводится основополагающая роль в процессах концептуализации и категоризации действительности, следовательно, и в процессах структурирования и обобщения перцептивного опыта человека и восприятия окружающего мира.

Таким образом, исследование языковой репрезентации концептов с пространственным значением еще раз доказывает, что язык — это, действительно, материал для доступа к деятельности сознания, к пониманию кумуляции перцептивного опыта человека и к познавательным процессам, базой которых является непосредственное взаимодействие с миром.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. — М.: Радикс, 1994.
- [2] Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: Истоки. Эволюция. Перспективы. — М.: Наука, 1982.

- [3] *Брунова Е.Г.* Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.
- [4] *Манерко Л.А.* Типы знаний, определяющие древнеанглийскую категорию пространства // Когнитивные исследования языка. — М. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. — Вып. 3. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. трудов / Гл. ред. серии Е.С. Кубрякова; отв. ред. выпуска Н.Н. Болдырев. — С. 210—222.
- [5] *Кузина И.Ю.* Геометрическая концептуализация пространства и способы представления глубины в языковой измерительной системе (на примере английского прилагательного *deep*) // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 3. — С. 46—52.
- [6] *Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — С. 86—94.
- [7] *Мякишева О.В.* Пространственная семантика: реализации языковых ресурсов в разных сферах и средах общения: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2008.
- [8] *Кубрякова Е.С.* О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. — М. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. — Вып. 3. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. трудов / Гл. ред. серии Е.С. Кубрякова; Отв. ред. выпуска Н.Н. Болдырев. — С. 11—25.
- [9] *Ивашкевич И.Н.* К вопросу о границах и строении категории «Природные пространства» // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 4. — С. 43—54.
- [10] *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988. — С. 173—213.
- [11] *Ермакова О.П.* Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / РАН Ин-т языкознания; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — С. 290—296.

ON LANGUAGE REPRESENTATION OF SPACIAL CONCEPTS

I.N. Ivashkevich

Belarusian State University

Akademicheskaya str., 25, Minsk, Belarus, 220025

The paper is dedicated to language representation of spatial concepts nominating specific areas of land (the names of bogs) in modern English. The author pays special attention to the role of perceptual features within the semantic structure of these concepts which constitute such basic ontological category as space.

Key words: concept, semantic structure, category, space, English, cognitive linguistics.